

САДЕК
ХЕЛАНТ

ДАШ АКОЛЬ

Все жители Ширази хорошо знали, что Даш¹ Аколь и Какá² Рустам — смертельные враги.

Однажды Даш Аколь зашел в чайную «Два столба», где был завсегдатаем. Усевшись на корточках на саку³, он помешивал большим пальцем лед в чашке с водой. Рядом с собой он поставил клетку с перепелкой, накинув на клетку кусок красной материи. Неожиданно в чайную ввалился Какá Рустам. Грызя семечки и насмешливо поглядывая на Даш Акола, он уселся как раз напротив и подозвал мальчишку-слугу.

— Ну-к-к-ка, п-п-паренек, п-п-принеси мне чаю!

Даш Аколь строго взглянул на мальчика. Тот испугался и сделал вид, что очень занят и не слышал приказания Какá Рустама. Один за другим вынимал он стаканы из бронзовых подстаканников, опускал их в ведро с водой и потом очень медленно перетирал. Стаканы тихонько поскрипывали, когда по ним проводили салфеткой.

Какá Рустам, возмущенный подобным невниманием к своей особе, закричал:

— Разве т-т-ты оглох? Я ведь т-т-тебе говорю!

Мальчик, нерешительно улыбаясь, посмотрел на Даш Акола.

— Ч-черт п-побери! — вскипел Какá Рустам. — П-пусть те, что г-г-грозятся, выйдут с-сегодня ночью на улицу, если они счи-т-тают с-с-себя настоящими лутй⁴, п-пусть разомнут с-свои руки и ноги!

Даш Аколь, продолжая вертеть лед в чашке, незаметно наблюдал за происходящим. Услышав слова врага, он громко захохотал, и из-под его усов, окрашенных хной⁵, блеснули крепкие белые зубы.

— Хвастают только трусы! — проговорил он. — Потом разберемся, кто из нас храбрый Рустам⁶ и кто трусливый Эфенди⁷!

В чайной засмеялись, но не над заиканиями Какá Рустама: всем давно было известно, что он заика. Смеялись над другим.

Даш Аколь в городе был известен так, как, например, бывает известен в деревне бык с белой отметиной на лбу. Не было ни одного лутй, который не испытал бы на себе силу его кулаков. Каждый вечер Даш Аколь появлялся в квартале Сардизак и, выпив в каком-нибудь кабаке бутылку водки, становился грозным и внушительным. Где уж там Какá Рустаму до него. Тут даже если бы дед Рустама объявился, то и он не смог бы соперничать с Даш Аколем! Да и сам он прекрасно понимал, что не может быть ни партнером, ни соперником Даш Акола, тот уже дважды избивал его и три или четыре раза сидел у него на груди, когда они боролись.

Счастье ему изменило и в последний раз. Было это несколько ночей назад. Какá Рустам, видя, что улица пустынна, начал бесчинствовать. Неожиданно, как смертоносный вихрь, на него налетел Даш Аколь, здорово треснул кулаком и заорал:

— Какá, ты что, баба, которая скандалит, когда мужа нет дома? Или ты накурился опиума, и он совсем затуманил тебе мозги? Знаешь, это забавы трусов, брось их! Что ты корчишь из себя бродягу? И тебе не стыдно?! Зачем ты каждый вечер вымогаешь у людей деньги? Ведь это — то же самое, что обыкновенное нищенство! Клянусь циновкой Али⁸, если ты еще хоть раз будешь хулиганить, я с тобой разделаюсь. Вот этим мечом я разрублю тебя пополам.

Какà Рустаму пришлось уступить, однако он решил отомстить Даш Акою и теперь только искал случая, чтобы с ним посчитаться.

Жители Ширази любили Даш Акою. Особенно он был известен в квартале Сардизак, где верховодил всеми лутї и творил суд и расправу. Даш Акою никогда не задевал женщин и детей, больше того, был ласков с ними, и, если какой-нибудь наглец приставал к женщине или задирали кого-нибудь, он не уходил целым от Даш Акою. Даш Акою любил помогать людям, а когда у него было хорошее настроение, он даже подносил им до дома тяжести.

Но чего Даш Акою не переносил, так это соперничества, поэтому он терпеть не мог Какà Рустама, который бахвалился и болтал всякую чепуху, особенно когда накурится опиума.

Переживая только что полученное оскорбление, Какà Рустам сидел в чайной, исходя желчью, и жевал свои усы. Он был так зол, что если бы его ударили в этот момент ножом, то из раны не выступило бы ни капельки крови.

Через несколько минут хохот утих, и все как будто успокоилось. Лишь подручный-мальчишка в рубашке с круглым воротом, бумажных шароварах и тубетейке все еще корчился от смеха, держась руками за живот. По правде говоря, посетителям чайной тоже хотелось смеяться, когда они смотрели на мальчишку. Какà Рустам не выдержал. Он вскочил с места, схватил стеклянную сахарницу и бросил ее в голову мальчика. Но сахарница попала в самовар, самовар вместе с чайником упал на землю и разбил несколько стаканов. Какà Рустам выпрямился и с перекошенным от злобы лицом выскочил из чайной.

Владелец чайной растерянно поставил самовар на место:

— У Рустама⁹, — сказал он с грустью, — было всякое оружие, а у нас — только этот помятый самовар, и тот теперь пропал.

Но лишь только он упомянул имя Рустама, как в чайной раздался новый взрыв смеха. Владелец чайной хотел было наброситься на своего помощника, но Даш Акою достал из кармана кошелек с деньгами и, улыбнувшись, бросил его хозяину.

Тот взял кошелек и, взвесив его на руке, засмеялся.

В это время в чайную вбежал человек в бархатном жилете, широких штанах и невысокой войлочной шапке. Он осмотрелся по сторонам, подошел к Даш Акою и поздоровался с ним.

— Хаджи Самад скончался! — сказал он.

Даш Акою поднял голову.

— Да простит господь его грехи!

— Разве вы не знаете, что он оставил завещание?

— Ведь я не пожиратель трупов, иди и скажи это тем, кто питается покойниками!¹⁰

— Но ведь он сделал вас опекуном своего имущества!..

Казалось, на лице Даш Акою разгладились все шрамы. Он оглядел пришедшего с головы до ног и провел рукой по лбу. От этого движения его яйцевидная шапка свалилась и обнажился лоб, одна половина которого была коричневой от загара, а другая, под шапкой, совсем белой. Он покачал головой, достал трубку с инкрустированным чубуком, не спеша набил табак, примял его большим пальцем, потом зажег.

— Да простит аллах грехи Хаджи, он вот спокойно умер, а мне доставил столько хлопот. Ну, что же делать, ступай, я приду следом, — проговорил он.

Приходивший — это был приказчик Хаджи Самада — большими шагами вышел на улицу.

Даш Акою не спеша затягивался. Он сидел серьезный, насупившийся, и казалось, будто черные тучи внезапно погасили царившие до этого в чайной смех и веселье.

Даш Акою выколотил трубку, поднялся, отдал мальчику клетку и вышел на улицу.

Когда Даш Аколь появился во внешней половине¹¹ дома Хаджи Самада, там уже закончилась похоронная молитва. Лишь несколько чтецов корана и мелких служек ссорились из-за денег. Даш Аколь некоторое время подождал возле водоема, потом его позвали в большую комнату, широкие раздвижные окна которой были открыты. В комнату вошла хозяйка и села за занавеской¹². После обычной церемонии приветствия Даш Аколь сел на тюфяк и сказал:

— Ханум, пусть аллах облегчит ваши страдания, да принесет аллах вам счастье в детях!

— В ту ночь, когда Хаджи стало плохо, к его постели привели имама соборной мечети, и Хаджи в присутствии всех господ назначил вас опекуном и душеприказчиком. Должно быть, вы раньше знали Хаджи? — грустным голосом проговорила хозяйка.

— Пять лет назад мы познакомились во время путешествия в Казерун.

— Покойный Хаджи всегда говорил, что если вообще на свете существует настоящий человек, так это Даш Аколь!

— Госпожа, больше всего я дорожу своей свободой, но теперь, когда я связан долгом по отношению к умершему, клянусь лучом солнца, что буду не хуже почтенных господ, носящих чалму!

Он повернул голову и вдруг увидел девушку с взволнованным лицом и томными черными глазами. Взгляды их встретились, но девушка, словно застыдившись, опустила занавес и скрылась. Была ли она красивой? Может быть. Во всяком случае ее глаза сделали свое дело: Даш Аколь опустил голову и покраснел.

Это была Марджан, дочь Хаджи Самада, которая вышла сюда из любопытства: ей очень хотелось посмотреть на знаменитого даша — своего опекуна.

Со следующего дня Даш Аколь занялся делами Хаджи. Пригласив опытного маклера, двух почтенных жителей квартала и писца, он зарегистрировал все имущество. Излишки сложил в амбар и опечатав: то, что нужно было продать, — продал, при этом купчие крепости ему читали вслух. Он выплатил все долги и собрал накопившуюся задолженность. Все это Даш Аколь сделал в течение двух дней и ночей.

На третью ночь усталый Даш Аколь направился домой. На перекрестке Сеид Хадж Гариб он встретил слесаря Имамголи, который сказал ему:

— Вот уже две ночи, как вас подстерегает Какá Рустам. Вчера он сказал: «Этот парень здорово меня надул, наверно он забыл о своем слове».

— Не беспокойся! — ответил Даш Аколь и провел рукой по усам.

Даш Аколь хорошо помнил, как три дня назад Какá Рустам угрожал ему в чайной «Два столба». Он прекрасно изучил своего соперника, было ясно, что тот уговорил Имамголи поугубить его. Поэтому, не обращая внимания на слова слесаря, он отправился дальше. Всем своим существом Даш Аколь стремился к Марджан. Тщетно он пытался не думать о ней, образ ее неотступно следовал за ним.

.....
Даш Аколю было лет тридцать пять. Он выглядел крепким и сильным мужчиной, только вот лицо у него было некрасивое, на первый взгляд оно могло показаться даже безобразным. Впрочем, стоило поговорить с Даш Аколем или послушать один из многочисленных рассказов о его жизни, как он сразу же покорял собеседника. Если бы не шрам от ножа, пересекавший лицо Даш Аколя слева направо, то наружность его можно было назвать благородной и привлекательной. У Даш Аколя были карие глаза, густые черные брови, широкие скулы, тонкий нос, черные усы и борода. Но лоб и щеки покрывали заросшие багровой кожей рубцы и шрамы, которые обезобразили его лицо, в складках морщин виднелась красноватая кожа. Особенно его уродовало левое веко, оттянутое вниз.

Отец Даш Акола был крупным помещиком Фарса¹³. После его смерти все наследство досталось единственному сыну. Однако Даш Аколь был беззаботен и щедр и не дорожил ни деньгами, ни имуществом. Свое состояние он раздал неимущим и нуждающимся. Он стремился к полной свободе, у него не было никаких привязанностей. Иногда, напившись, он дико вопил на перекрестках или же частенько пировал с компанией прихлебателей. Этим, собственно, и ограничивались все его пороки и добродетели. Самое же удивительное заключалось в том, что до сих пор любовь не пробилась в его сердце. Сколько раз приятели подтрунивали над ним из-за этого, приглашали его на интимные пирушки, но он всегда их сторонился.

Однако, с тех пор как он стал душеприказчиком Хаджи Самада и увидел Марджан, жизнь его совершенно изменилась. Теперь он был облечен доверием умершего и принял на себя большую ответственность, которая угнетала его еще потому, что он был влюблен в Марджан.

Человек, который растранил свое состояние и вел беспечный образ жизни, теперь с самого утра, едва поднявшись с постели, думал лишь о том, как бы увеличить доходы от имущества Хаджи Самада. Вдову и детей Хаджи Самада он перевел в небольшое помещение, а их дом сдал в аренду; для детей нанял домашнего учителя; капитал Хаджи Самада пустил в оборот, — словом, с рассвета дотемна бегал и хлопотал по делам семьи Самада.

Даш Аколь перестал шататься по ночам и устраивать дебоши на перекрестках. Он больше не кутил с друзьями и выкинул из головы всякое озорство.

Между тем бродяги и хулиганы, завидовавшие ему, подстрекаемые муллами, которым не удалось поживиться за счет умершего, стали насмехаться над Даш Аколем и сплетничать о нем на всех сборищах и во всех чайных. Чаще всего сплетни о Даш Аколе можно было услышать в чайной «Под чинарой».

— Это ты о Даш Аколе? Э, у него губа не дура! — говорили там. — Вот, собака! Наконец-то он от нас отвязался! Все вынюхивает в доме Хаджи, как будто нашел что-то. Теперь если уж и появляется в квартале Сардизак, то поджимает хвост и старается, чтобы его никто не заметил.

Как-то Рустам, заикаясь, выкладывал то, что лежало у него на сердце:

— Седина в бороду, а бес в ребро! — болтал он. — Наш парень стал любовником дочери Хаджи Самада! Он спрятал свой кинжал в ножны и пытается отвести людям глаза. Немало пришлось ему хитрить и изворачиваться, пока он стал душеприказчиком Хаджи и заграбастал его имущество. Пусть аллах пошлет ему счастье!

Многие перестали уважать Даш Акола, никто уже не старался угождать ему. Куда бы он ни заходил, вокруг сразу начинали перешептываться и издеваться над ним.

Даш Аколь кое-что слышал, но не обращал внимания на эти разговоры. Любовь к Марджан пустила в его сердце такие глубокие корни, что он не мог думать ни о чем другом, кроме нее.

Сознавая безнадежность своей любви, он стал ночами пить, а для развлечения купил попугая. Подолгу просиживал он возле клетки, жалуясь птице на свою тоску.

Если бы Даш Аколь посватался к Марджан, мать с радостью отдала бы за него девушку. Однако он не хотел связывать себя женой и детьми, он стремился быть, как всегда, свободным. Кроме того, Даш Аколь считал, что оплатит злом за добро, если женится на девушке, оставленной на его попечение. Каждый вечер разглядывал он в зеркале свои багровые рубцы, оттянутое книзу веко и громко жаловался:

— Конечно, она меня не полюбит! Она найдет себе молодого, красивого мужа... нет, это нечестно... Ей всего четырнадцать лет, а мне уже сорок... Что же делать? Эта любовь меня

погубит... Марджан... Марджан... ты меня убиваешь, кому я расскажу об этом... Марджан, любовь к тебе меня убила!..

Глаза его наполнялись слезами. Он пил водку стакан за стаканом, потом засыпал в обнимку с горем.

...В полночь, когда Шираз со своими извилистыми улочками, благоухающими садами и красным вином погружался в сон, когда спокойные и таинственные звезды мерцали на черном, как смола, небе, а Марджан, с раскрасневшимися щеками, мирно дышала и во сне вновь переживала все виденное за день, в этот час любовь, безумная страсть и нежные чувства Даш Аколя освобождались от той искусственной оболочки, которую создавали правила приличия, внушенные ему с детства, и мысленно он обнимал Марджан крепко и свободно, слышал тихое биение ее сердца и словно чувствовал ее нежные губы и горячее тело, целовал ее лицо... Но когда он просыпался, то снова проклинал жизнь, как безумный метался по комнате, бормоча что-то про себя. Весь же день, чтобы заглушить в себе любовь, он проводил в беготне и хлопотах по делам покойного Хаджи.

Так прошло семь лет. Даш Аколь не присвоил себе ни единого гроша за труды по опеке. Если болел кто-нибудь из детей Хаджи Самада, он, как любящая мать, день и ночь просиживал у постели больного. Он очень привязался к этой семье. Однако любовь к Марджан была, видимо, совсем иного рода, и, должно быть, именно эта любовь сделала Даш Аколя таким спокойным и покладистым. За это время все сыновья Хаджи Самада оказались при деле.

И вот то, чего не должно было случиться, случилось.

Произошло нечто очень важное. Марджан нашла мужа, но что это был за муж! Он был и старше Даш Аколя и еще менее привлекателен, чем он! Даш Аколь не подал и вида, что ему тяжело, напротив, с большим хладнокровием он готовил приданое и в день бракосочетания устроил достойное свадебное пиршество.

Жену и сыновей Хаджи Самада он снова переселил в их прежний дом, а большую комнату с раздвижными окнами отвел для приема гостей-мужчин. Все знатные и почтенные жители Шираза, купцы и старейшины были приглашены на этот праздник.

И вот в тот день, когда гости сидели на богатых коврах и подушках, один подле другого, а перед ними стояли подносы со сладостями и фруктами, которыми они угощались, в пять часов пополудни в комнату вошел Даш Аколь в старинном одеянии дашей: на нем был полосатый архалук, черные штаны из плотной бумажной материи, на широком поясе из плотного шелка висел обоюдоострый меч, на ногах были белые матерчатые туфли из Абаде¹⁴ с загнутыми кожаными носками, а на голове — невысокая войлочная шапка, обшитая еще неизношенной тесьмой. Его длинные, до плеч, волосы завивались на концах.

Следом за Даш Аколем вошли три человека с книгами и чернильным прибором. Все гости устремили взоры на Даш Аколя, а он широкими шагами подошел к имаму¹⁵ соборной мечети и, остановившись перед ним, сказал:

— Господин имам, покойный Хаджи оставил завещание, и семь лет я не имел ни минуты покоя. Самому младшему сыну покойного тогда было пять лет, сейчас ему исполнилось двенадцать. Здесь, — Даш Аколь показал на книги, которые держали сопровождавшие его люди, — вся отчетность по имуществу Хаджи. То, что было перерасходовано, включая сегодняшние траты, я пополнил из собственного кармана. Теперь пусть каждый займется своими делами: я своими, а они — своими...

Что-то сдавило Даш Аколю горло, и, ничего не добавив и не дожидаясь ответа, он опустил голову и со слезами на глазах вышел из комнаты. На улице Даш Аколь вздохнул полной грудью. Он почувствовал, что свободен, что груз ответственности снят с его плеч,

но сердце его все равно разбито. И, широко и свободно шагая, Даш Аколь пошел вперед. Неожиданно он увидел трактир еврея Муллы Исхака. Не задумываясь, он спустился по сырým кирпичным ступеням в старый продушенный двор. Внутри двора, вдоль забора, он увидел маленькие грязные комнатки с крошечными окошками, похожие на пчелиные соты. Поверхность водоема затянула зеленая плесень. Пахло застоявшейся водой, чем-то кислым и затхлым. Мулла Исхак, худой, в грязном ночном колпаке, с козлиной бородкой и жадными глазами, подошел к нему натянуто улыбаясь.

— Ради твоих усов, дай-ка мне что-нибудь горло промочить, да получше, — хмуро бросил ему Даш Аколь.

Мулла Исхак кивнул головой в знак согласия, спустился в погреб и через несколько минут вернулся с бутылкой. Даш Аколь взял у него бутылку, ударил об стену, так что пробка выскочила наружу, и опорожнил ее наполовину прямо из горлышка. Глаза Даш Акола опять наполнились слезами, он закашлялся, прикрыл рот рукой, а потом вытер его тыльной стороной ладони. Сын Муллы Исхака, рыжий, грязный мальчишка с вздутым животом и слюнявым ртом, удивленно рассматривал Даш Акола. Обмакнув палец в стоящую в нише стены солонку, Даш Аколь облизал его.

Мулла Исхак подошел к Даш Аколю, похлопал его по плечу и ехидно заметил:

— Толку-то от бродяжничества никакого! — Потом, показав на одежду, добавил: — Что это ты разodelся? Ведь этот архалук теперь уже не в моде. Когда захочешь с ним расстаться, я хорошо заплачу.

Даш Аколь печально усмехнулся. Он достал из кармана деньги, заплатил и вышел из трактира.

Надвигались сумерки. Даш Аколю было жарко, мысли его путались, голова болела. На улицах, еще не просохших после полуденного дождя, пахло цветущими апельсинами и мокрой глиной. Перед взором Даш Акола возник образ Марджан: ее румяные щеки, черные глаза, опущенные длинными ресницами, завитки волос, рассыпавшиеся по лбу. Он подумал о своей прежней жизни. Картины одна за другой проходили перед его глазами. Даш Аколь вспомнил прогулки с друзьями у гробниц Саади¹⁶ и Баба Кухи...¹⁷ Иногда он улыбался, иногда хмурился. Но одна мысль преследовала его неотступно: он боялся возвращаться в собственный дом. Подобное состояние было невыносимым. Словно что-то оборвалось в сердце Даш Акола: ему хотелось уйти, исчезнуть. Он с тоской подумал, что ночью, наверно, опять будет пить водку и разговаривать с попугаем. Жизнь представлялась ему мелкой, пустой и бессмысленной. На память пришло какое-то стихотворение. Не вдумываясь, он стал тихонько читать его про себя:

Я завидую пиршествам узников, яства которых — звенья цепей.

Потом вспомнил другую строку и прочел ее немного громче:

Сердце мое обезумело, о мудрецы, принесите цепи!

Ведь нет иного средства для обуздания безумца, кроме цепей мудрости!

Он читал глухим печальным голосом, как будто утратил все силы, и мысленно был где-то далеко-далеко... Потом замолчал.

Когда Даш Аколь дошел до квартала Сардизак, уже темнело. Это было место, где когда-то бесчинствовал веселый и беспечный гуляка Аколь, и никто не решался остановить его. Он устало опустился на каменную скамью возле какого-то дома, достал чубук, разжег его и

начал потихоньку затягиваться. Ему показалось, что вокруг стало еще неприглядней, чем раньше, что люди изменились так же, как и он сам. В глазах у него потемнело, болела голова. Неожиданно появилась какая-то черная тень. Тень приблизилась, и чей-то голос произнес:

— Б-б-бродяга бродягу и темной н-н-ночью увидит.

Даш Аколь узнал Какà Рустама, он поднялся со скамьи, ударил себя по пояснице, сплюнул на землю и ответил:

— Будь проклят твой отец! Думаешь, ты — настоящий лутї? Но сдохни, после тебя даже и праха не останется!

Какà Рустам в ответ захохотал, подошел ближе и с издевкой спросил:

— Оч-ч-чень давно т-ты не появлялся в этих местах. С-с-сегодня в д-д-доме у Хаджи свадьба, разве т-т-тебя не п-пус...

Даш Аколь прервал его:

— Господь отличил тебя от других: дал только половину языка, но и эту половину у сегодня у тебя отберу.

Он вытащил из ножен кинжал. Какà Рустам, подобно Рустаму на изображениях в банях¹⁸, тоже схватился за нож. Даш Аколь всадил кинжал в землю, скрестил на груди руки и произнес:

— Теперь я хотел бы увидеть того лутї, который сможет вытащить этот нож из земли.

Неожиданно Какà Рустам кинулся на Даш Аколя, но тот так ударил его по запястью, что нож выпал из рук Рустама. На крики сбежались прохожие. Они смотрели на дерущихся, и никто не решался подойти и разнять их.

Усмехнувшись, Даш Аколь сказал:

— Иди возьми свой нож, но гляди, на этот раз держи его покрепче. Сегодня ночью я хочу свести с тобой все наши мелкие счета.

Какà Рустам со сжатыми кулаками набросился на Даш Аколя, и они сцепились. С полчаса они катались по земле, пот лил с них градом, но никто не мог одержать верх. В драке Даш Аколь сильно ударился головой о мостовую и едва не потерял сознание. Какà Рустам дрался не на живот, а на смерть. Он уже устал. И вдруг он увидел близко нож Даш Аколя. Собрав последние силы, Какà Рустам вытащил нож из земли и всадил его в бок Даш Аколю с такой силой, что у обоих разжались руки.

Подбежали наблюдавшие за дракой и с трудом подняли Даш Аколя. Кровь сочилась из бока. Он зажал рану рукой, прошел несколько шагов вдоль стены и рухнул наземь. Его на руках отнесли домой.

На следующее утро, когда весть о ранении Даш Аколя достигла дома Хаджи Самада, старший сын покойного — Валихан — пришел проведать опекуна. Он приблизился к его ложу и увидел, что Даш Аколь лежит бледный, с кровавой пеной на губах. Глаза у него закатились, и он с трудом дышит. Даш Аколь узнал Валихана и сдавленным, дрожащим голосом произнес:

— В этом мире... я... имел... лишь одного попугая... дорогой попугай... отдай его... ей...

Он умолк. Валихан достал шелковый платок и вытер слезы. Даш Аколь потерял сознание и спустя час умер.

Весь Шираз оплакивал Даш Аколя.

В тот же вечер Марджан поставила перед собой клетку с попугаем и стала рассматривать его яркое оперение, кривой клюв и круглые невыразительные глаза. Неожиданно попугай заговорил грубым голосом, голосом Даш Аколя:

— Марджан, Марджан... ты убила меня... Кому я скажу об этом?.. Марджан... любовь к тебе меня убила!

Глаза Марджан наполнились слезами.

Заметки

[

← 1

]

Даш (от тюркск. *дадаш*) — брат, братец. Так в Иране называют лиц особого социального слоя, деклассированные элементы (гуляка, бродяга).

[

← 2

]

Какà (*по-курдски*) — брат, братец.

[

← 3

]

Саку́ — глинобитное возвышение, покрытое ковром, на котором сидят или спят.

[

← 4

]

Лутì — бродяга, гуляка, то же, что и даш.

[

← 5

]

Хна — темно-красная краска, служащая для окрашивания ладоней рук, подошв ног, бороды и волос.

[

← 6

]

Рустам — герой иранского эпоса, наделенный могучей силой и благородством, прославленный в поэме Фирдоуси «Шахнаме».

[

← 7

]

Эфенди — персонаж фольклора, отличающийся трусостью.

[

← 8

]

Али — обожествляемый мусульманами-шиитами четвертый мусульманский халиф, зять Мохаммеда.

[

← 9

]

Имеется в виду герой поэмы Фирдоуси.

[

← 10

]

То есть духовенству.

[

← 11

]

В иранских домах две половины: внешняя (бируни), где принимают гостей, и внутренняя, или женская (эндерун), куда запрещен доступ посторонним мужчинам.

[

← 12

]

По мусульманским обычаям, женщина не может показываться с открытым лицом перед посторонним мужчиной.

[

← 13

]

Фарс — провинция в юго-западной части Ирана с главным городом Ширазом.

[

← 14

]

Абаде — город в провинции Фарс.

[

← 15

]

Имам — мусульманское духовное лицо, стоящее в мечети впереди молящихся, которые повторяют его действия во время богослужения. Имамами называют также прямых потомков пророка.

[

← 16

]

Саади — шейх Мослех-эд-дин-Саади (1184—1292) — выдающийся поэт, автор знаменитых произведений «Голестан» («Цветник»), и «Бустан» («Плодовый сад»). Похоронен в Ширазе.

[

← 17

]

Баба Кухи Ширази — прозвище крупного персидского поэта, философа и ученого. Умер в 1050 г. в Ширазе, где и похоронен.

[

← 18

]

Обычно в Иране бани украшают лубочными изображениями легендарного Рустама.